

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII

| Субъективность и постсекулярность современности: новая трансценденция или фрактальность «плоского» мира |

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII

Россия, Санкт-Петербург.

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (Санкт-Петербург).

Профессор кафедры прикладной политологии, доктор философских наук, профессор.

Russia, St. Petersburg.

National Research University High School Economics.

Professor Dept. Applied Political Theory, PhD, professor.

gtul@mail.ru

СУБЪЕКТИВНОСТЬ И ПОСТСЕКУЛЯРНОСТЬ СОВРЕМЕННОСТИ: НОВАЯ ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ ИЛИ ФРАКТАЛЬНОСТЬ «ПЛОСКОГО» МИРА?

Современное массовое общество представляет собой имманентный самодостаточный мир. Эта самодостаточность чревата неоднозначными последствиями. Во-первых, это перспектива тотального манипулирования. Во-вторых, это перспектива нарастания фундаментализма (New Age, исламский «ренессанс», активизация Российской православной церкви). В-третьих, это левацкий революционаризм современного искусства, которое участвует в социализации уже не тем, что транслирует норму, образец, а тем, что провоцирует испытание нормы.

Во всех трех случаях речь идет о выходе за границы имманентного. Манипулятор, неотеократ, революционер апеллируют к критике сущего имманентного, к необходимости выхода за его пределы, получая, тем самым, обоснование установлению новой власти. Похоже, что изощренная медийная манипуляция является единственной альтернативой леваческому релятивистскому революционаризму и неопуантизму.

Современная проблема постсекуляризма представляет, по сути дела, современную стадию противостояния реализма (платонизма) и номинализма. Альтернативой этому противостоянию является концептуализм, то есть не жесткое «либо-либо», а попытки конечного существа осмыслить бесконечное, строить модели и одновременно (и тем самым) — решать возникающие проблемы.

Недоверие... Хоррор... Протестная левизна в искусстве... Слабость буржуазности (гражданскости) в политике и искусстве... Что нас ждет? Новое расширение имманентности... Расширение круга причинно-следственных связей... Неорационализм... Это предполагает уяснение и принятие каких-то новых исходных оснований, онтологических допущений сущего... А значит и одновременное открытие новых горизонтов трансцендентного.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что современность — особенно в ее российских условиях — имеет дело с серьезным цивилизационным вызовом, ответ на который предполагает весьма тонкую социальную инженерию, не говоря уже о необходимости ясного понимания ситуации, проблем и перспектив.

Ключевые слова: имманентность, либерализм, общество, постсекулярность, Просвещение, рациональность, свобода, секулярность, современность, субъективность, трансценденция

Subjectivity and Post-Secular Contemporarity: A new Transcendence or the Fractality of a "Flat" World?

Modern mass society is imminent in the world. This self-sufficiency is fraught with mixed consequences: (1) the prospect of total manipulation; (2) the prospect of the rise of fundamentalism (the New Age, the Islamic "renaissance", the activation of the Russian Orthodox Church); (3) leftist revolutionarism in contemporary art, which relates to socialization through provocation, and the testing of the social norm. In all three cases, it is about going beyond the imminent boundaries. It appears that sophisticated media manipulation is the only alternative for goshistic revolutionarism and new fundamentalism.

The post-secularistic dilemma is, in fact, the present stage of confrontational realism (Platonism) and nominalism. An alternative to this confrontation is conceptualism, which is not a hard "either-or", and attempts to comprehend the infinite through the finite, to build the model, while at the same time, attempt to solve problems.

Distrust ... Horror ... Protests in art ... The weakness of the bourgeois (the public) in politics and the arts ... What can we expect? The new extension of imminence ... Widening the circle of cause and effect ... New rationalism ... This involves understanding and accepting any new source bases, an ontological assumptions of things ... And this means the simultaneous opening of new transcendent horizons.

All of the above leads to the conclusion that the present — especially in terms of the Russian situation — is dealing with a serious challenge to civilization, the answer to which involves a very subtle social engineering, not to mention the need for a clear understanding of situations, problems and perspectives.

Key words: enlightenment, freedom, immanence, liberalism, modernity, post-secularity, rationality, secularism, society, subjectivity, transcendence

На одной из последних лекций Р. Инглхарта (по результатам почти 40-летнего анализа динамики ценностей современного общества и общим трендом от ценностей выживания и безопасности к постматериальным ценностям свободы и самореализации) возник вопрос о дальнейшей перспективе — после достижения «шведскости». Ведь чем сложнее система, тем более она становится уязвимой. Чем комфортнее становится жизнь, тем больше страхов потерять этот комфорт. Не этим ли объясняются наметившиеся в последнее время в наиболее благополучных странах тенденции... Склонность к хорроризации, страхи и тревожность (аларм), что выражается не только угрозами «международного терроризма», но и распространяющимися практически со скоростью света, охватывающие широкие массы ожиданиями «конца света». Нарастающие межэтнические напряженности и конфликты... Снижение рождаемости... Нарастание доли «правого» голосования в европейских странах... Религиозное не возрождение, но признание, что «религия тоже имеет значение».

Р. Инглхарт тогда ответил, что его интересовали только тенденции последних десятилетий, но не прогнозирование будущих. А ситуация удивительно напоминает последний этап Римской империи. Хорошие институты, развитая система права. Высокое качество жизни. Широкое развитие сферы досуга, увлечений и всевозможных удовольствий. Терпимость к отклонениям и порокам. И при этом — хорроризация, пророчества конца света, многочисленные мессии, тяга к трансцендентному. Хорошо известно — чем это закончилось: нашествием варваров и распространением христианства.

Постсекуляризм

С индустриализацией в культуру приходят рациональность, централизация, бюрократия и секулярность. Но в постиндустриальных обществах изменения в сфере культуры приобретают нелинейный характер, происходит поворот к качеству жизни и качеству впечатлений, усилению личной независимости и самовыражению, в том числе с помощью традиционных культурных форм.

Современные критики секуляризма обычно связывают его с политической философией Д. Ролза, по их мнению, наиболее полно воплотившей секуляристскую позицию: общество понимается как сугубо политическое образование, которое конституируется на базе принципа справедливости как честности, и преследует единственную цель — собственную стабильность. Участие религии в общественной жизни при этом либо не рассматривается вообще, либо ей отводится место исключительно в частной сфере. Более того, задачей демократического общества и политического либерализма является недопущение доктрин (религий, идеологий, учений), претендующих на всеобъемлющий охват всех сфер жизни общества. Они могут существовать в рамках индивидуальной жизни, а также деятельности отдельных ассоциаций, общин. Критические сомнения в стратегии полной секуляризации нарастают, предлагались различные модели «десекуляризации» (К. Эдер, П. Бергер), но воспринимались они либо как проявления консерватизма, либо

как маргинальные, далекие от актуальных проблем современности.

Ситуация существенно изменилась после трагедии 11 сентября 2001 года, которая послужила своеобразной точкой кристаллизации «прямого и неопровержимого доказательства краха и пагубности стратегии полной секуляризации как чреватой непримиримыми конфронтациями». По мнению Ю. Хабермаса, выраженному 14 октября 2001 года в его речи «Вера и знание», то, что представлялось нормальной моделью будущего для всех культур, вдруг предстало только сценарием какого-то особого случая.

Разброс постсекуляристских концепций достаточно широк. Иногда он понимается как «возврат религии» (Дж. Кемпл), а в качестве аргументов приводится активизация ислама, христианского и иудейского фундаментализма, интерес китайских реформаторов к конфуцианским традициям. Широкое распространение получила идея включения религиозного дискурса в политический диалог — с условием светского характера самого этого диалога и готовностью к взаимопониманию его участников (Ю. Хабермас, поздний Д. Ролз). М. Уолцер, М. Сандел, Ч. Тейлор — крупнейшие авторитеты современного либерализма — идут дальше, предполагая, что религия является не просто одним из полноправных участников демократической дискуссии, но и является необходимой, неотъемлемой частью общественного и политического дискурса.

Пожалуй, наиболее радикальной является точка зрения, восходящая к Я. Тиллиху, согласно которому само секулярное в своей глубине содержит религиозные элементы, такие как принципы, аксиомы, разделяемые сторонниками, социальные практики, вытекающие из признания этих положений. Тиллих называл такие феномены «квази-религиями», относил к ним и науку, и политику, и право. В этом плане и атеизм является формой религии — веры в несуществование Бога.

По мнению некоторых философов (например, С. С. Хоружего¹), реализация проекта Просвещения, все большее углубление и расширение секуляризации представляет собой деградацию человека, его редуцирование, доходящие до прямой угрозы его существованию. Поэтому отказ от радикальной секуляризации трактуется как мера самосохранения человека, антропологический императив. Такая «антропологическая миссия постсекулярной парадигмы» видится не столько в возврате религии, сколько в возвращении онтологического человека в каких-то новых формах, адекватных современности с ее плюрализмом антропоформности. При этом под онтологическим человеком понимается общее признание современной философией принципиальной «разомкнутости» человека и личности, формирование которых реализуется только в «выходе за свои пределы», «встрече с Другим». Религия дает опыт такого «размыкания». Но не менее полно такой опыт реализуется в социальных контактах, отношениях, коммуникации: в любви, дружбе, социально партнерстве, диалоге.

¹ Хоружий С. С. Постсекуляризм и антропология. / С. С. Хоружий // Человек. ru. 2012. №8. Новосибирск: НГУЭУ. С. 15–34.

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII

| Субъективность и постсекулярность современности: новая трансценденция или фрактальность «плоского» мира |

По мнению Ч. Тейлора, в Новое и Новейшее время поиск человеком возможностей самореализации все чаще происходил вне религии, а со временем превратился почти полностью в имманентный поиск. Вера в Бога становится одной «опцией» из многих, причем — не самой легкой по сравнению с другими.

В принципе, можно выделить три основные характеристики секулярности. Первая, восходящая к Д. Скоту, связана с пониманием этого мира как тварного, сотворенного, бытия как сущего. Вторая трактовка может быть возведена к У. Оккаму, согласно которому этот мир есть мир воплощения помыслов желаний — как «естественных» (удовлетворяемых естественным образом), так и трансцендентных — например, дара Благодати. Третий подход связан с развитием научного (опытного) знания, расширением представлений о каузальности, которая оказывается проявлением как естественных причин, так и человеческой свободы.

Так или иначе, но секулярность — характеристика человеческого мира и человеческого, в том числе и прежде всего — социального, существования.

В этом плане, постсекулярное не означает простой возврат к религиозности. Хотя именно активизация религиозного выступает наиболее ярким проявлением постсекуляризма. «К великому удивлению ученых гонителей религии, предсказывавших смерть Бога с середины XIX в. вплоть до самого конца XX, религия вернулась во всем своем многообразии. Хотя это не совсем верно, потому что о смерти религии заявляли главным образом интеллектуалы; за пределами академического сообщества никто не думал, что она куда-то делась. Но религия вернулась даже в среду продвинутых интеллектуалов, которые придали ей новую легитимность, дискредитируя тех, кто ее дискредитировал, подозревая подозревавших, сомневаясь в сомневавшихся, разоблачая разоблачителей»².

Но насколько религиозен этот запрос? В массовом обществе новейшего времени произошла имманентизация религиозного — как специфической ценностно-нормативной системы наряду с наукой, искусством, правом, экономикой, спортом и т. п. Означает ли постсекуляризм претензию религиозного на трансцендент, на теоретический и практический выход за пределы природной данности, к потустороннему его основанию? Как он соотносится с постоянным присутствием интереса исследователей и общественности к трансперсональному опыту и трансперсональной психологии?³ Или поиски такого основания — дело некоего нового духовного опыта, не связанного с традиционной религиозностью? И тогда поиск такого синкретизма ставит вопрос о том, что означает религиозность в этой новой — постсекулярной ситуации⁴. Да и для философии речь идет не о том, что она должна как-то иначе мыслить религию, а о какой-то новой конфигурации самой философии. Если секулярная эпоха — время границ и классификаций, все более тонких дистинкций, то постсекулярная — поиск оснований нового

синтеза, поиск нового контекста осмысления «закавыченных» дистинкций, поиск того, можно ли мыслить, чувствовать, жить иначе⁵.

Становится ясной бесперспективность очерчивания и укрепления границ между философией и теологией.⁶ Границы эти (если они когда-то и были на самом деле) нарушены давно. И вопрос не об их слиянии или взаимопоглощении⁷, а именно об их новой встрече, поиске оснований для диалога, игнорировать необходимость которого уже невозможно.

Новая животность субъективности

Новую краску внесла работа Д. Агамбена (в духе Хайдеггера) о неживотности, ее угрозе, когда все активаторы желаний известны, а желаний нет. Животное, включенное в причинно-следственные связи, находится в «оцепенении», оно неспособно отразить активаторы активизирующие его поведение факторы. Человек, вроде бы, обладает этой способностью. Но современное массовое секулярное информационное общество, дающее, вроде бы, ясное представление об активаторах (желаниях, потребностях) человеческого поведения, а главное — дающее возможность удовлетворения любых желаний, выводит человека на новый уровень «оцепенения», открытости бытия, лишённого включенности в открываемое. Неоткрытость открытому миру, фундаментальная скука человеческого бытия (Хайдеггер), когда знание всех возможностей ведет к бездействию. Скуку, как естественное состояние, обрывают всякие растормаживатели, втягивая во внешне по отношению к человеку цепочки зависимостей. В современном сетевом социуме человек — игрушка каких-то активаторов, которые сами, в свою очередь ни что иное как самовозбуждающаяся сеть.

Плоды Просвещения: ценностно плоский имманентный мир

Информационное общество массового потребления — закономерный этап цивилизационного развития, в определенном смысле — достигнутый к настоящему времени цивилизационный фронтир человечества. Механизмы, ткани этой реализации вполне понятны тоже: рыночная экономика, урбанистический образ жизни, формирование третьего сословия (граждан, горожан, буржуа) как социальной базы. В политическом плане она выражается в демократии. В эпистемическом — суть торжество рациональности.

⁵ Узланер Д. Введение в постсекулярную философию. / Д. Узланер // Логос. 2001, № 3 (82). С. 3–32.

⁶ См., например: Habermas J. Between Naturalism and Religion. / J. Habermas / Polity, 2008, p. 209–248, а также Habermas J. Religion in the Public Sphere. / J. Habermas // European Journal of Philosophy. 2006. Vol. 14. No. 1. P. 14–16.

⁷ Как полагает, например, такой радикально левый мыслитель как С. Жижек, по мнению которого, чтобы стать настоящим диалектическим материалистом, надо пройти через христианский опыт», (Жижек С. «Кукла и карлик». Христианство между ересью и бунтом. / С. Жижек / М.: Европа, 2009. С. 12.), а современная политическая теория и практика нуждаются в религии и теологии в качестве оправданной точки радикальной политики, высвобождения из пут этико-юридических противоречий, уничтожения множества «священных коров либерализма». (Жижек С. Размышления в красном свете / С. Жижек / М.: Европа, 2011. С. 397–403.)

² Капуто Д. Как секулярный мир стал постсекулярным / Д. Капуто // Логос. 2001, № 3 (82). С. 205.

³ Пример обстоятельного обобщения см.: Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. / Е. А. Торчинов / СПб: Азбука-классика, Петербургское востоковедение, 2007.

⁴ Кырлежев А. Постсекулярное: краткая интерпретация. / А. Кырлежев // Логос. 2001, № 3 (82). С. 103–105.

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII

| Субъективность и постсекулярность современности: новая трансценденция или фрактальность «плоского» мира |

Но мир утратил вертикальное измерение. В традиционном обществе ценности выстроены иерархически («вертикально») — от простейших потребностей до ценностей трансцендентного порядка (истина, добро, красота, Бог). Массовое общество на основе рыночной экономики по мере развития массового потребления, начиная снизу, «съело» ценностную вертикаль, которая, оседала, оседала и просела... В результате чего мы имеем дело с ценностью «плоским» миром, в котором ценности организованы не вертикально, а горизонтально, превратившись в рубрикаторы рынка массового потребления. Все ценности, вплоть до трансцендентных, оказались приведенными к общему знаменателю маркетинга — рыночного спроса. И именно маркетинг (спрос) в этом мире выполняет роль общих онтологических (экзистенциальных) допущений и предпосылок. Это мир воплощения доступных желаний.

И как мир желаний — действительно, «животен» в своей самодостаточности «хотелок». Практически вся современная политическая и нравственная жизнь фокусируется на человеческих стремлениях и целях: благосостояние, права человека, равенство, как гласил «основной закон социализма»: «всевозрастающее удовлетворение всевозрастающих потребностей». В этот ряд встали и вера, и религия — как сфера удовлетворения определенных потребностей, организованная как и любой рынок предоставления услуг.

Этой «игре на понижение» могут противостоять задающие в плоском мире ценностные ориентиры гражданское общество, полноценная элита и внятная культурная политика⁸. Отсутствие этих факторов делает общество беззащитным перед «игрой на понижение» и ценностным релятивизмом, превращая его в релятивизм нравственный. Именно эта ситуация имеет место в российском обществе. Поэтому именно на примере России наиболее отчетливо видны все неоднозначности реализации медиации, что отчасти объясняет парадоксальные ее проявления, делая страну «обезьяной Господа».

От рационального знания к эмоциональной оценочности

Имманентный, плоский мир «хотелок» выводит на первый план не разум, а эмоции. Это хорошо видно на примере философии, где за последние 100 лет тематика методологии научного знания практически вытеснена попытками осмысления эмоционального содержания бытия (Dasein). И эти попытки осмысления в минимальной степени ориентированы на выработку рационально выстроенных представлений, моделей; чаще они представляют собой стилистически изощренные сочетания «означающих без означаемых», в лучшем случае — метафорические коннотации.

В России же все это обернулось полным пренебрежением к науке, образованию и здравоохранению, подменой их паранучными, а то и откровенно шарлатанскими практиками. При устойчивости этой тенденции возникает угроза полной дискредитации знания как такового.

⁸ Подробнее см. Тульчинский Г. Л. Массовая культура как воплощение гуманизма Просвещения, или Почему российское общество самое массовое. / Г. Л. Тульчинский // Философские науки. 2008, № 10. С. 38–59.

Социальная мифология и архаизация

В условиях информационного общества массового потребления авторитетность подменяется публичностью (известностью и узнаваемостью). Личность предстает как череда проектов, а маркетинг и PR становятся требованиями к жизненной компетентности. Функцию ориентации в мире выполняют бренды (товаров, компаний, регионов, стран, идей, персон) — как социальные мифы, в т. ч. — апеллирующие к традиционной мифологии.

Миф (фундаментальная метафора) = Вера в Большую реальность, лежащую за данной реальностью, делающую эту реальность реальностью. В этом смысл концептуального развития науки. Которая, мифологична по своему посылу расколдовывания мира, придания ему статуса «реальности». В этом плане сама метафора, метафоризация есть стремление к трансцендентному.

В условиях плоского имманентного мира все метафоры приравниваются. С одной стороны, у всех них оказывается один общий знаменатель маркетинга (спроса). С другой, все они имеют один онтологический статус.

Феминность

Архаизация проявляется в том числе и в нарастающей феминности современного общества. Мир не только утратил вертикальное измерение. Он стал имманентно-феминным. И дело отнюдь не в феминизме. Ценности общества массового потребления: здоровье, достаток, жизненный успех, любовь-морковь, семья, дети... Это ценности преимущественно феминные. В обществе массового потребления главная «целевая группа» — женщины. Именно им, прежде всего, адресуется реклама, они — главные посетители дворцов культуры массового потребления — ТРЦ. В этой ситуации традиционные мужские ценности носят сервильный, обслуживающий характер ценностей базовых — феминных, их обеспечивающий.

Кризис либерализма

Ценностный релятивизм при поверхностном понимании «диалога культур» и «мультикультурализма» в условиях объективного процесса глобализации оборачиваются издержками поверхностного и неглубокого понимания условий реализации прав человека и толерантности. Веер примеров таких издержек достаточно широк: от проблем биоэтики (порожденных достижениями геномной инженерии, трансплантологии, медицины) до этно-культурных напряжений и конфликтов. Неоднозначность проблем и решений вырастают до масштаба политических и международных. Россия еще только погружается в эту неоднозначную ситуацию.

По крайней мере, очевидно, что либералистскому постмодернизму оказалось нечего противопоставить фундаментализму. Более того, он сам уничтожил возможности межрелигиозного диалога⁹.

Либеральная демократия в целом оказывается выражением двух противоречащих друг другу секулярных мифов:

⁹ After the Postsecular and the Postmodern: New Essays in Continental Philosophy of Religion. /ed. A. P. Smith, D. Whistler. Cambridge: Cambridge Scholars Publ., 2010.

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigori TULCHINSKII

| Субъективность и постсекулярность современности: новая трансценденция или фрактальность «плоского» мира |

- просвещенческое представление политики как дискурса публичного разума, опора которого на «объективное знание» позволяет элите возглавлять общественное развитие;
- революционаристский, эгалитаристский миф всеобщего избирательного права, политики больших чисел, в которых представление коллективной воли определяется путем подсчета мнений и фантазий индивидуальных граждан-избирателей¹⁰.

Начиная с уравнительной справедливости (равенства перед законом, равенства возможностей) либерализм пришел к изощренным техникам равенства распределительного¹¹.

Некоторые предварительные выводы

(А) Осмысление и переосмысление проходят цикл:

- остранение (лиминальность, деконструкция) и игра с остраненными смыслами (Платон, Шкловский, Аверинцев, В. Тернер);
- новый монтаж, реагрегация нового целого.

Постмодерн заигрался в лиминальность, застряв на первой фазе. Почти столетие ушло на деконструкцию модернистских деконструкторов: просветителей, Ницше, Маркса, Фрейда и прочих расколдовывателей невозможного, предлагавших видеть в нем вытесненное желание, отчужденное сознание, волю к власти. Современность более склонна разоблачать этих разоблачителей, критиковать этих критиков, разочаровываться в тех, кто расколдовывает... Более того, она устала от этих разоблачений и тотального компромата, выродившегося в стеб и сетевые жабы.

Приходит запрос на новую реагрегацию?

Склонна ли она «искать *новое* Просвещение, которое было бы просвещено относительно (старого) Просвещения»¹²?

И тогда смысл постсекуляризма не столько в религиозном ренессансе, не в реставрации досекулярного религиозного, сколько в «секуляризации секуляризма»¹³? Который может разворачиваться как в сторону трансценденности, так и в сторону еще большей имманентности.

Речь идет о современности как постсекулярности — не обязательно в религиозной форме, но в запросе на трансцендентное, даже в тоске буржуазного плоского мира по трансцендентному. Постсекулярность плоского имманентного мира при всей ее внешней безопасности и качестве жизни далеко не однозначна. Неспособность переживать трансцендентное опасно, поскольку, как минимум, закрывает перспективы развития. Человеку как существу конечному в пространстве и времени не дана все полнота знания, и он всегда постигает его с какой-то позиции, точки зрения, в каком-то смысле. А всякое познание, творчество предполагает допущение существования пока не данного, сопричастность ему, допущение в свой опыт, чтобы обнаружить его (или наоборот — не найти подтвержде-

ния его существованию). На этом основаны не только поиски смысла жизни, но и любой эксперимент, решение любой, даже учебной задачи.

Можно говорить о двух стратегиях смыслообразования современности, обусловленных возможностями трансцендирования. Первая, условно говоря, «вертикальная», связана с поисками выхода за рамки этого мира, построениями возможности мира иного, потустороннего. Вторая — «горизонтальная» — связана с трансцендированием в существующее «иное», углубление в него, накопление дифферанса сущего без выхода за его пределы.

Обе стратегии, в конечном счете, предполагают некий общий уровень существования (онтологических допущений). В первом случае — расширение допустимого сущего, включение в него «потустороннего», сводимого с данной реальностью на единую платформу существования. С очевидностью это предполагает расширение базовой мифологии, наделяющей реальность большей реальностью¹⁴. Во втором — в таком онтологическом расширении необходимости нет: имманентный мир все более разнообразится. А в качестве технологии накопления уподоблений и сравнений выступает брендинг.

Но в обоих случаях речь идет о расширении целостного мировосприятия. В первом случае мир расширяется за счет трансцендирования в иные миры, обнаружения их достижимости и выстраивания еще большей обширности доступного человеку мира.

Во втором — можно говорить о смене рациональности как переходе от рациональности в духе античного «техне», т. е. искусного искусственного преобразования реальности, к рациональности в духе античного «космос» (или дао как истины и пути), т. е. представления о гармоничной целостности мира.¹⁵ В этом случае «техническая» рациональность не отбрасывается, а становится способом, средством познания и реализации «космичной». Но на первый план выходят мера, гармония, ответственность за ее поддержание, восстановление.

Однако результат, итог этих стратегий один и тот же — расширение горизонтов мира имманентного, самодостаточного.

(В) Для познания, творчества, поступка необходима «энергия заблуждения» (Л. Толстой, В. Шкловский), Ю. Власов: «Формула воли — верить». В плоском имманентном мире места этому заблуждению не осталось. Поэтому безволие и бессилие. Поэтому отсутствие образа будущего. Или наоборот. В этом мощный импульс постсекуляризму.

(С) Духовность связана с самой возможностью трансцендирования в иное, собственно — она эта способность и есть. И сдвиг гуманитарной парадигмы это только подтверждает.

¹⁶ Экономика, политика — инфраструктура, обеспечивающая формирование и развитие определенного способа жизни социума, культуры. Но и она, в свою очередь — только инфраструк-

¹⁰ Асад Т. Что могла бы представлять собой антропология постсекуляризма? / Т. Асад // Логос. 2001, № 3 (82). С. 94.

¹¹ Имеется в виду классическая работа Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995, а также движение Д. Ролза навстречу коммунитаристской критике его концепции.

¹² Капуто Д. Цит. соч. С. 186.

¹³ Кырлежев А. Цит. соч. С. 106.

¹⁴ Тульчинский Г. Л. Две стратегии мифотворчества. / Г. Л. Тульчинский // Рериховское наследие. Том V. — СПб, 2012. С. 178–184.

¹⁵ Тульчинский Г. Л. Рациональность и иррациональность ответственности. / Г. Л. Тульчинский // Рациональность и культура. М.: ИД ВШЭ, 2013. С. 121–136.

¹⁶ Тульчинский Г. Л. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы: гуманитарность против гуманизма / Г. Л. Тульчинский // Отечественные традиции гуманитарного знания: История и современность. СПб: СПбГИЭУ, 2005. С. 3–11.

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII

| Субъективность и постсекулярность современности: новая трансценденция или фрактальность «плоского» мира |

тура, обеспечивающая формирование и развитие определенного типа субъективности — личности. Но и личность, человек не самоценны (что и показал убедительно кризис гуманизма XX века, когда под лозунгами гуманизма было пролито море крови), он только инфраструктура формирования и развития сознания, трансцендентального субъекта, чувствительности свободы — добытийного и внебытийного начала бытия.

Свобода, однако, не просто «дыра в бытии» (Н. А. Бердяев, Ж.-П. Сартр), а точка сборки ответственности. И если условием science является единство природы, дающее основание универсальности открываемых научных законов, то возможность гуманитарного знания (die Geisteswissenschaften) основана на единстве и универсальности духа.

Потрясающий взлет цивилизации за последние столетия достигнут не за счет сверхэксплуатации (как полагают марксисты), не за счет накопления капитала (как полагают традиционные экономисты), а именно за счет открытий научной и инженерной мысли. Особенности культуры, институциональной среды — играют вспомогательную роль — важных, но только условий. Культуры и институты сами по себе не способны к развитию, «диалогам», они не задают вопросы. Наоборот — они задают нормы, традиции, содержание, ответы на все вопросы. Задавать вопросы могут только люди, способные к выходу за рамки заданных стереотипов, а значит — открывающие новые горизонты, новые перспективы изменений.

Поэтому успешные реформы во все времена связаны с установкой на освоение передовых практик (в том числе — заимствуемых), на науку и образование.

(D) Как уже отмечалось, ориентиры в ценностно плоском мире задаются субкультурально, институционализируя гражданское общество. В этой ситуации сакральное получило расширительный смысл, как нечто предельно значимое для каждой нормативно-ценностной системы, а статус этой значимости обеспечивается не только силами самой субкультуры, но и правовой силой государства. И тогда социуму (да и личности) достаточно все возрастающего разнообразия, а для сохранения целостности этого разбухающего разнообразием социума достаточно некоей властной воли, рамок правового государства?

Роль власти нетривиальна. Хотя бы в установлении институциональной среды.

Либеральная демократия сводит дело к гарантии институциональных свобод. Эта ситуация «холодного общества», в котором правила игры заданы и личностная свобода сводится к свободе институциональной: гарантируются права личности, если ее действия не наносят ущерб другим таким же свободным индивидам. Но это достижение цивилизации (а либеральная демократия является именно достижением) исторически сформировалось, стало результатом довольно длительного и бурного процесса.

(E) В традиционном обществе ключевую роль играет принадлежность личности некоей общности, идентичность с нею. А гарантом установления правил (институтов) выступает некий суверен. И любое общество проходит «горячую» и «холодную» стадии. В горячей стадии институциональные рамки расплавлены, они еще только формируются: на первом плане идентичность, сплачивающее доверие. В холодной — институты уже выкристаллизовались, остыли, и на первый план выходят

внешние правила игры, обеспечивающие доверие, «наводящее мосты» между носителями, возможно, разных идентичностей.

Современное информационное общество, проектно-сетевой социум,¹⁷ в котором политика, экономика, искусство, личная жизнь превратились в проекты, активизирующие на какое-то время фрагменты мировой сети, когда этническая статусная, ролевая идентичности становятся только средством позиционирования идентичности проектной, институциональная свобода отходит на второй план по сравнению с суверенной в массовом порядке. Каждая такая личность как проект — сама себе суверен.

В этом плане вопрос Р. Инглхарту относительно перспектив «после Швеции» приобретает весьма нетривиальный характер.

Ценности выживания, «безопасность» Суверен, легитимность которого обеспечивается апелляцией к трансцендентному, подкрепляемому насилием	Ценности качество жизни, «справедливость» Формальные институты	Суверенитет отдельных личностей, прежде всего в электронной сети
Этническая, клановая идентичность, «доверие сплачивающее»	Гражданская идентичность, «доверие, наводящее мосты»	Недоверие, подозрительность, провокации, троллинг
Свобода суверенная	Свобода институциональная	Распад социума

А плоскому имманентному миру некий общий интегративный импульс уже не нужен? Как не нужен и выход в новое трансцендентное. Он самодостаточен¹⁸. Для острашения ему достаточно самолиминальности, все новых и новых дифференсов, отличий, уводящих даже не вглубь, а в самоделение римейков и перепевов «старых песен», маньеризма и эклектики, культа моды.

И тогда импульсы трансцендентного дробятся и дробятся...

Похоже, именно эту ситуацию реализуют и поддерживают современные информационно-коммуникативные технологии, прежде всего Web 2. 0 и Web 3. 0.

Именно блогосфера — совокупность блогов, или интернет-дневников, по преимуществу персональных, — в наше время лучше всего отражает специфику выстраивания и манифестации образа «я» в виртуальном пространстве, выражает особенности самоидентификации современного человека, его позиционирования в обществе. Действительно, вечно присутствующий в самосознании момент недовольства собой определяет стремление к некоторому целостному «я», и это стремление в Интернете получает исключительные возможности реализации конструирования альтернативных образов себя.

Феномен притворства, демонстрируемый блогосферой, позволяет говорить об искаженном и неоднозначном характере

¹⁷ Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. / Л. Болтански, Э. Кьяпелло / М.: НЛО, 2011.

¹⁸ Не случайно Ч. Тэйлор говорит о современности как «закрытом мире». См. Тэйлор Ч. Структуры закрытого мира. / Ч. Тэйлор // Логос. 2001, № 3 (82). С. 33–54.

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII

| Субъективность и постсекулярность современности: новая трансценденция или фрактальность «плоского» мира |

интернет-коммуникаций. Изменения эти, в частности, относятся и к самой позиции — как источника, так и реципиента коммуникативного акта, и заключаются в увеличении роли автокоммуникации, обращенности источника, адресанта на самого себя, что позволяет говорить об особом нарциссизме и эксгибиционизме современной личности. При этом, порожденные в сети масочные персонажи («виртуалы») начинают жить в сети и не только своей жизнью, мало связанной с какими-то ни было возможными реальными референтами¹⁹.

Разумеется, феномен сетевого притворства связан с проблемой идентичности с одной стороны, а с другой — с возможностью и даже необходимостью освоения личностью в процессе социализации и индивидуализации определенных социальных ролей. Но является ли такое притворство позиционированием личностью своего не-истинного, ложного «я»? Во-первых — что (главное — кем?) определяется как «я»-истинное? Во-вторых, если притворство — это такое лукавство, мошенничество, сознательное стремление предстать не собой, иным, выдать себя за другого, то — каковы мотивы его порождающие? В-третьих, любая ли социальная роль, в силу неполноты представленности в ней личности, выступает притворством? Наконец, в-четвертых, если социализированная личность — это комплекс освоенного человеком ролевого репертуара, а также ценностных установок, связанных с предпочтением или избеганием определенных ролей, то не получается ли, что истинным «я» является «человек без свойств», еще не идентифицированный даже самим индивидом. Но тогда о каком притворстве вообще может идти речь? Здесь некая двусмысленность: либо притворство — технология социального манипулирования другими, либо оно неизбывный универсальный атрибут человеческого бытия...

И что же получается? На первый план выходит качество субъективности, ее способность к синтезу свободы как ответственности. Вне этого условия — реализация последнего сна Раскольникова из «Преступления и наказания».

¹⁹ Вокуев Н. В. Феноменология притворства в современной культуре (на материалах блогосферы). / Н. В. Вокуев / СПб: РГПУ, 2013.

Но неспособность переживать трансцендентное закрывает (как минимум!) перспективы развития знания и опыта. Человек — конечное (в пространстве и времени) существо, ему не дана вся полнота знания. Поэтому он всегда постигает бесконечное разнообразие мира с какой-то позиции, точки зрения, в каком-то смысле. И для расширения осмысления ему необходимо признание существования (онтологического допущения) чего-то непознанного, трансцендентного, сопричастность которому открывает путь познания и расширения опыта, открытия новой гармонии, новой целостности мира.

Ergo

Мы имеем дело с имманентным (данным здесь и сейчас) самодостаточным миром и социумом. И эта эго имманентность привела в тупик. Который чреват пока:

- либо тотальным манипулированием;
- либо скатыванием в фундаментализм и еще большую закрытость (это проявляется в New Age, исламском «ренессансе», активизации РПЦ);
- либо революционаризмом левацкого толка. (Собственно, именно последнее и проявляется в современном искусстве, которое участвует в социализации уже не трансляцией нормы, а ее испытанием, тестированием, провокацией.)

Но во всех трех случаях преодоления «неоживотности» речь идет о выходе за границы имманентного. Манипулятор, неотеократ, революционер апеллируют к критике сущего имманентного, к необходимости выхода за его пределы, получая, тем самым, обоснование установлению новой власти.

Недоверие... Хоррор... Протестная левизна в искусстве... Слабость буржуазности (гражданскости) в политике и искусстве... Что нас ждет? Новое расширение имманентности... Расширение круга причинно-следственных связей... Неорационализм... Но это предполагает уяснение и принятие каких-то новых исходных оснований, онтологических допущений сущего... А значит и одновременное открытие новых горизонтов трансцендентного.

